

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ

Условные контрфактические высказывания

Как известно, условными контрфактическими называют высказывания, противоречащие фактам, говорящие о том, чего заведомо нет, и выражаемые предложениями, стоящими в сослагательном наклонении: «Если бы сейчас было лето, то я жил бы на даче» (это произносится не летом и я не живу на даче). Такого рода высказывания широко используются и в повседневной жизни, и в науке (например, в мысленных экспериментах), и в художественной литературе. В последние десятилетия особенно широкое распространение получили конструкции «Если бы..., то...» в работах историков. Выходят многочисленные исследования, посвященные «альтернативной истории», «экспериментальной истории», «виртуальной истории», «несостоявшейся истории» и т. п.¹ В основе всех этих и иных исследований подобного рода лежит конструкция условного контрфактического высказывания. Поэтому логико-семантический анализ таких высказываний представляется достаточно важным.

Контрфактические высказывания широко обсуждались в середине XX в. в рамках позитивистской программы эмпирического обоснования научного знания. Казалось, что их логико-семантический анализ способен пролить свет на природу диспозиций и утверждений, выражающих законы природы. Однако когда логический позитивизм утратил свою привлекательность, вместе с ним отошли в историю или были отодвинуты в сторону и многие его проблемы, в том числе проблема контрфактических высказываний. Книга Д. Льюиса *«Контрфактические высказывания»*² была написана уже в другую эпоху и автор ее решал скорее логические, а не эпистемологические проблемы.

По-видимому, наиболее серьезным исследованием, посвященным анализу контрфактических высказываний, до сих пор остается блестящая

¹ См. об этом: *Нехамкин В. А.* Контрфактические исследования в историческом познании. Генезис, методология. — М., МАКС-Пресс, 2006.

² *Lewis D.* Counterfactuals. — Oxford, 1973.

статья Нельсона Гудмена 1947 г³. Именно на нее мы и будем опираться в дальнейшем.

1. Проблема

В чем же заключается проблема, связанная с контрфактическими высказываниями? Гудмен формулирует ее следующим образом: «...Проблема заключается в том, чтобы определить обстоятельства, при которых данное контрфактическое высказывание верно, а противоположное контрфактическое высказывание с консеквентом, противоречащим консеквенту первого высказывания, неверно. И этот критерий должен быть сформулирован перед лицом того факта, что благодаря самой своей природе контрфактические высказывания никогда не могут быть подвергнуты какой-либо непосредственной эмпирической проверке посредством реализации их антецедента»⁴. Мы можем сформулировать два контрфактических высказывания с одним и тем же антецедентом и противоположными консеквентами: «Если бы Волга впадала в Черное море, то Каспийское море высохло» и «Если бы Волга впадала в Черное море, то Каспийское море не высохло бы». Ясно, что верным может быть лишь одно из них. Какое? Как это установить? Антецедент контрфактического высказывания говорит о том, чего заведомо нет, поэтому обращаться к реальному положению дел для проверки контрфактического высказывания бессмысленно: их антецедент всегда ложен, следовательно, если рассматривать их как простые условные высказывания и представлять в виде материальной импликации, то все они будут истинными в силу ложности антецедента. Классическая экстенциональная логика не дает нам способов отличать истинные контрфактические высказывания от ложных. Нужны какие-то иные средства.

Гудмен полагал, что контрфактическое высказывание говорит о некоторой содержательной (не истинностно-функциональной) связи антецедента и консеквента: «...Можно сказать, что полное контрфактическое высказывание утверждает, что между его антецедентом и консеквентом имеется определенная связь»⁵ (там же, с.17). Что это за связь? Можно говорить о какой-то связи между *событиями*, к которым относятся антецедент и консеквент, или говорить о связи *предложений*, сформулированных в антецеденте и консеквенте, о чем-то типа строгой импликации. Кажется, Гудмен стремился оставаться в плоскости языка и шел по пути К.И.Льюиса, В.Аккермана, А.Андерсона, Н.Белнапа и других логиков, стремившихся найти формальную импликацию, выражающую отношение логического следования.

³ Проблема условных контрфактических высказываний. Эта статья включена в качестве гл.1 в книгу «Факт, фантазия и предсказание», 1953. См.: Гудмен Н. Способы создания миров. — М., Идея-Пресс, 2001.

⁴ Там же. С.15.

Поэтому, несмотря на все оговорки, он склонялся к тому, чтобы истолковывать эту связь как логическую выводимость консеквента из антецедента, соединенного с какими-то дополнительными высказываниями. Именно об этом говорит его известный пример: «Если бы эта спичка была потерта о коробок, она загорелась бы». Добавив к антецеденту А класс истинных предложений S, описывающих «соответствующие условия»: «Эта спичка сухая», «Эта спичка изготовлена в соответствии со стандартом», «Имеется достаточно кислорода» и т. п., мы можем из конъюнкции A&S логически вывести консеквент В. При таком истолковании основной проблемой становится определение класса S: «Первая главная проблема заключается в том, чтобы определить соответствующие условия — уточнить, какие именно предложения подразумеваются в конъюнкции с антецедентом в качестве основы для вывода консеквента» б (там же, с. 19). Гудмену так и не удалось полностью справиться с этой проблемой, и вопрос о том, когда контрфактическое высказывание можно считать истинным, так и не получил ответа.

2. Приблизительная классификация

Можно попробовать рассуждать следующим образом. Грамматика говорит, что свои мысли мы можем представлять в формах трех наклонений: изъявительном, повелительном и сослагательном. Если мысль представлена в форме изъявительного наклонения, то она что-то утверждает или отрицает о вещах и событиях, поэтому может оцениваться как истинная или ложная. Если мысль выражена предложением в повелительном наклонении: «Уступайте места инвалидам и престарелым!», «Мойте руки перед едой!», то в ней нет утверждения или отрицания, она не претендует на описание каких-то вещей и событий, поэтому не может оцениваться как истинная или ложь. Так, может быть, и сослагательные предложения не выражают суждений? И к ним неприменимы понятия истины и лжи? Нет, с этим как-то не хочется соглашаться, все-таки мы чувствуем, что в высказывании «Если бы кит был рыбой, он имел бы жабры» что-то утверждается, что его можно принимать или оспаривать, следовательно, можно оценивать как истину или ложь. Но тогда встает указанная выше проблема.

Гудмен писал свои работы в ту эпоху, когда над умами философов науки почти полностью господствовал логический позитивизм. И хотя такие люди, как У. Куайн и Н. Гудмен, никогда вполне не разделяли установок позитивизма, тем не менее стремление все реальные связи явлений представлять в виде логических связей предложений было свойственно и им. Поэтому Гудмен осознает, что контрфактическое предложение говорит о связи антецедента и консеквента, но эту связь он стремится представить только как логическую выводимость. Он говорит о том, что вывод консеквента из антецедента предполагает существование закона природы, но проблему закона видит лишь в том, как отличить предложения, выражающие закон, от случайно истинных обобщений. Поскольку

все контрфактические высказывания он рассматривает как утверждения о логической выводимости, для него между ними нет большой разницы, и он не пытается как-то классифицировать их. Быть может, хотя бы некоторые трудности, возникающие при анализе контрфактических высказываний, можно будет устранить, если начать с самой простой и пусть даже произвольной их классификации.

1. Неопределенные, двусмысленные контрфактические высказывания.

По-видимому, с самого начала следует исключить из рассмотрения такие контрфактические высказывания, антецедент которых неясен и требует уточнения. Гудмен приводит в качестве примера такой антецедент: «Если бы Бизе и Верди были соотечественниками, то...». Ясно, что здесь нужно просто уточнить: «Бизе был бы соотечественником Верди» или «Верди был бы соотечественником Бизе». Несколько сложнее обстоит дело с такими высказываниями, как: «Если бы Юлий Цезарь был львом, то он имел бы хвост» или «Если бы Юлий Цезарь был львом, то у него все равно не было бы хвоста». С каким из них можно согласиться? Здесь, по-видимому, опять требуется уточнение, какое начало, как мы считаем, останется преобладающим в Цезаре – львиное или человеческое? От этого и будет зависеть ответ. Конечно, наиболее интересными являются высказывания, говорящие о тождестве двух индивидов: «Если бы я был Наполеоном, то...». Их анализ приводит нас к обсуждению онтологических проблем: что мы имеем в виду под «я» и «Наполеоном»? Если «я» превратится в «Наполеона», то в какой мере «я» останется самим собой? Или мы имеем в виду, что «я» просто «займет место» французского императора? А, может быть, приобретет и какие-то черты его личности – скажем, его военный гений? И, вообще, что такое тождество двух индивидов? Возможно ли оно? Все это чрезвычайно интересные и сложные вопросы, заслуживающие особого рассмотрения. Мы же в данном случае ставим перед собой значительно более скромную задачу.

2. Логико-математические контрфактические высказывания, говорящие об идеальных, создаваемых нами объектах.

3. Эмпирические контрфактические высказывания, относящиеся к реальным вещам, предметам, событиям.

4. Исторические контрфактические высказывания, говорящие о возможных сценариях прошлого.

Попробуем рассмотреть их последовательно.

3. Логико-математические контрфактические высказывания

Конечно, для того класса контрфактических высказываний, которые можно было бы назвать «логико-математическими», подход Гудмена вполне оправдан и осуществим. Если, скажем, антецедент внутренне противоречив, то контрфактическое высказывание истинно при любом конъюнкте: «Если бы этот предмет был одновременно круглым и квадратным,

то...» — будет истинно в тех системах логики, в которых из противоречия следует все, что угодно. Будут истинными контрфактические высказывания, консеквент которых следует из антецедента в конъюнкции с аксиомами или определениями. Например, высказывание «Если бы данная фигура была треугольником, то сумма внутренних углов в ней была бы равна двум прямым» истинно, ибо его консеквент следует из антецедента и соответствующей теоремы Евклидовой геометрии. Высказывание «Если бы Петр был неженат, то он был бы холостяком» истинно, ибо его консеквент следует из антецедента и определения понятия «холостяк». Короче говоря, для определенного класса контрфактических высказываний подход Гудмена кажется вполне приемлемым: если у нас имеются соответствующие аксиомы и определения, то отношение между антецедентом и консеквентом контрфактического высказывания мы можем представить как отношение логической выводимости консеквента из антецедента. Если аксиомы и определения позволяют нам логически вывести консеквент из антецедента, то контрфактическое высказывание истинно; если же мы не можем вывести консеквент из антецедента, то его следует признать ложным. Здесь только, быть может, нужно сделать оговорку: «в рамках данной системы». Это оговорка кажется естественной, если мы примем во внимание то обстоятельство, что существуют разные системы логики и математики, в частности разные системы геометрии, классическая логика, интуиционистская логика, паранепротиворечивые логики и т. д.

Некоторые теории естественных наук могут быть представлены в виде гипотетико-дедуктивной системы, в основании которой лежат постулаты и определения, задающие свойства и связи идеализированных объектов, к которым относятся утверждения теории, — таковы, например, классическая механика, оптика, термодинамика, теория относительности и т. п. Контрфактические высказывания, говорящие об идеализированных объектах таких теорий, также не порождают особых проблем: они истинны, если их консеквент логически следует из антецедента и каких-то постулатов или утверждений теории. Высказывание «Если бы я выбросился из окна, то падал бы на землю с ускорением $9,8 \text{ м}^2/\text{с}$ » истинно, поскольку его консеквент можно вывести из антецедента и законов классической механики (или закона свободного падения Галилея). Как раз мысленные эксперименты, распространенные в науке, иллюстрируют использование контрфактических высказываний в качестве средств теоретического рассуждения. Когда А. Эйнштейн говорит о поездах, движущихся со скоростью света, о лифтах, падающих в бесконечно глубокую шахту, и выводит следствия такого рода ситуаций, он использует, по сути дела, контрфактические высказывания, истинность которых обоснована его постулатами.

По-видимому, не возникает никаких трудностей в связи с контрфактическими высказываниями, говорящими об идеальных объектах — числах, функциях, геометрических фигурах, материальных точках, совершенных зеркалах, инерциальных системах и т. п. Все свойства и связи этих объектов заданы постулатами соответствующих теоретических систем. В рам-

ках этих систем контрфактические высказывания можно представлять как утверждающие логическую выводимость консеквента из antecedента и некоторых теоретических положений. И если такой вывод можно осуществить, контрфактическое высказывание истинно; если вывод оказывается невозможным, контрфактическое высказывание ложно. Таким образом, связь между antecedентом и консеквентом контрфактического высказывания в некоторых случаях можно представлять как логическую выводимость консеквента из antecedента, соединенного с постулатами, аксиомами, определениями и т. п.

Здесь следует обратить внимание лишь на одно обстоятельство: мы признаем логическую выводимость консеквента контрфактического высказывания из его antecedента только *в рамках определенной теоретической системы*. И в той мере, в которой мы считаем истинной всю эту систему, мы признаем истинным и рассматриваемое высказывание. *Нельзя обсуждать вопрос об истинности или ложности, о приемлемости или неприемлемости контрфактического высказывания безотносительно к какой-либо теоретической системе.*

Вообще говоря, этот вывод представляется совершенно тривиальным, если взглянуть на него с более широкой точки зрения. Контрфактические высказывания представляют собой разновидность теоретических высказываний, которые мы определяем как высказывания, принадлежащие некоторой теории и относящиеся к идеализированным объектам этой теории. Их истинность устанавливается не обращением к эмпирической реальности, а доказательством в рамках теоретической системы. Но контрфактические высказывания также говорят о ситуациях, о положениях дел, которых в реальности нет. И в этом отношении они похожи на обычные теоретические высказывания. Поэтому и их истинность или ложность устанавливается не обращением к реальным вещам и явлениям, а включением их в некоторую систему и доказательством в рамках этой системы.

4. Эмпирические контрфактические высказывания

Несколько более интересными могут показаться контрфактические высказывания, относящиеся к явлениям эмпирического мира, к вещам и событиям, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни: «Если бы эта ваза упала со стола на пол, она разбилась бы», «Если бы этот цветок поливали, он не засох бы» и т. п. Возьмем пример Гудмена: «Если бы эта спичка была потерта о коробок, она загорелась бы». Такого рода высказывания Гудмен также стремился представить как утверждения о логической выводимости консеквента из antecedента и описания соответствующих условий. Точно задать класс соответствующих условий не удалось, поэтому этот ход мысли не привел к успеху.

Кажется удивительным, что столь проникательный мыслитель, как Гудмен, не осознавал, что полное описание его класса S невозможно и даже бессмысленно. Когда мы говорим: «Если бы A, ...», то имеем в виду, что

в мире, в котором отсутствует событие А, оно появляется и его появление влечет появление другого события В. Поэтому «соответствующие условия» Гудмена должны включать в себя весь мир и его полное описание. Но это невозможно. Быть может, в этот тупик Гудмен загнал себя потому, что не хотел обращаться к понятию причинно-следственной связи, хотя такое обращение дает простое решение проблемы.

Конечно, некоторое событие В возникает в контексте бесконечного множества явлений и их взаимосвязей. Из этого множества явлений мы выделяем фактор, который считаем решающим для появления события В. Мы называем его причиной. Причиной возгорания спички мы считаем ее трение о коробок. Ясно, что одного этого трения недостаточно, нужен еще кислород в окружающем воздухе, сухость спички и т. п. — то, что Гудмен называет «соответствующими условиями». Но если все условия есть, а спичка не горит и загорается лишь после того, как мы потрем ее о коробок, то это трение и можно считать причиной возгорания спички. Нам в данном случае нет нужды обращаться к природе причинно-следственной связи: порождает ли причина свое следствие, осуществляется ли в этом процессе перенос вещества или энергии и т. п. — все это в данном случае для нас не важно. Можно представить себе ситуацию, когда вокруг достаточно кислорода и спичка непрерывно трется о коробок, но не загорается, потому что она влажная. Тогда мы могли бы сказать: «Если бы эта спичка была сухой, она загорелась бы», и считать причиной возгорания спички ее сухость. И действительно, высушивание спички вызывало бы ее возгорание. Мы говорим лишь о связи двух событий, а вопрос о том, какова природа этой связи, мы можем оставить в стороне. Таким образом, вводя такое понятие причины, мы остаемся в рамках анализа Гудмена и не обращаемся ни к какой метафизике. Контрфактическое высказывание истинно, если утверждает причинно-следственную связь. Такая связь выражается в законе природы. И это приводит нас к обсуждению понятия закона.

Закон природы представляет собой утверждение причинно-следственной связи между двумя событиями. Но эта связь никогда не существует в чистом виде, она всегда вплетена в массу разнообразных событий, факторов, связей и т. п. Поэтому закон представляет собой некую идеализацию, формулируемую с оговоркой «при прочих равных условиях». Эти «прочие условия» представляют собой состояние мира, его структуру, в которой одно событие может рассматриваться как причина другого. Вообще говоря, любое утверждение о связях событий подразумевает эту оговорку. Даже самое обычное утверждение типа «Если солнце взошло, то стало светло» мы принимаем, подразумевая при этом: если атмосфера достаточно чистая, если у нас есть органы зрения и т. п. Если бы мы пытались точно оговаривать все условия, при которых оказывается возможной некоторая связь, то мы вообще не смогли бы ничего сказать. Пытаясь высказать некоторое утверждение и при этом перечислить все условия, при которых оно справедливо, мы утонули бы в этом бесконечном перечислении и, сказав «А», так и не смогли бы добраться до «В».

Теперь кажется, что наша проблема решается просто. Контрфактическое высказывание истинно, если существует закон природы, позволяющий нам логически вывести консеквент из антецедента. Контрфактическое высказывание «Если бы эта спичка была потерта о коробок, она загорелась бы» следует признать истинным, если мы признаем законом природы высказывание «Всякая спичка, потертая о коробок, загорается». И нам не нужно перечислять всех «соответствующих условий», ибо мы молчаливо подразумеваем: «при прочих равных условиях», «в нашем мире».

Но как же мы отличаем предложения, выражающие законы природы, т. е. фиксирующие причинно-следственные связи, от случайно истинных обобщений, говорящих о случайных совпадениях? Именно этой проблемой был занят Гудмен. Почему высказывание «Все люди, находящиеся в этой комнате, защищены от мороза» мы считаем законом природы («законоподобным» высказыванием), а высказывание «Все люди, находящиеся в этой комнате, лысые» лишь случайно истинным обобщением? Все попытки найти логико-семантические критерии, позволяющие провести четкое различие между этими двумя видами высказываний (см., например, известную статью К. Гемпеля и П. Оппенгейма «Логика объяснения». — *Гемпель К. Г. Логика объяснения.* — М., Дом интеллектуальной книги, 1998) ни к чему не привели, да и не могли привести. Не философ открывает и формулирует законы природы, а ученый, не логико-семантические свойства отличают закон от случайного обобщения, а опыт и эксперимент, поэтому единственное, что нам остается, — ориентироваться на науку и признанные учеными теории.

И тогда легко видеть, что контрфактическое высказывание, говорящее о защищенности от мороза людей в данной комнате, следует из теорий термодинамики и физиологии, а высказывание, констатирующее, что все собравшиеся в данной комнате лысые, ни из каких теорий не следует. И мы вправе заключить, что первое обобщение законоподобно, а второе — лишь случайно. Поэтому высказывание «Если бы Андрей находился в данной комнате, он был бы защищен от мороза» мы считаем истинным, а высказывание «Если бы Андрей находился в данной комнате, то он был бы лыс» — ложным. Но стоит только включить второе наше обобщение в некоторую систему, скажем, в некоторый свод правил, регулирующих посещение людьми тех или иных комнат в данном учреждении, как оно может оказаться законоподобным! Скажем, если в данную комнату разрешено заходить только лысым, наша констатация уже не будет только случайно истинной и соответствующее контрфактическое высказывание станет истинным.

Итак, контрфактическое высказывание истинно, если оно говорит о причинно-следственной связи между событиями, описываемыми его антецедентом и консеквентом; эта связь фиксируется в научном законе, который и служит для логического выведения консеквента из антецедента.

5. Контрфактические конструкции в истории

Но, конечно, самые большие трудности связаны с анализом контрфактических высказываний, относящихся к социальной жизни, в частности используемых в сочинениях по истории. «Если бы ты пришел ко мне вчера, мы сходили бы на вернисаж», «Если бы я не заболел, то пришел бы на свадьбу», «Если бы у меня были деньги, я съездил бы в Грецию» ... О чем говорят эти высказывания и когда их можно считать истинными? По-видимому, такого рода высказывания говорят о целях, намерениях, желаниях говорящего и нет никаких общих принципов, способных обосновать такие высказывания. Если говорящий искренен и его высказывание действительно выражает имеющееся у него желание, то такое высказывание истинно. Однако говорящий может лицемерить, лгать, его желания могут изменяться и т. д. Поэтому истинностная оценка таких высказываний кажется пустым занятием: дело не в том, истинно ли то, что вам говорят, здесь важнее другое — верите ли вы в это?

Интереснее и важнее контрфактические конструкции, используемые в исторической науке. «Если бы Англия и Франция в 1938 г. не пошли на сговор с Гитлером, то Второй мировой войны не было бы», «Если бы германский император Вильгельм II не бежал трусливо в Голландию в 1918 г., а мужественно погиб в рядах своей армии, то монархия в Германии сохранилась бы», «Если бы Россия не вступила в Первую мировую войну, то не произошло бы никакой революции» — такого рода высказывания постоянно встречаются в сочинениях историков. Как к ним относиться и как их оценивать?

Здесь у нас нет ни аксиом, ни постулатов, ни законов. Социальная причинность, если о ней вообще можно говорить, включает в себя понимание и принятие решений, т. е. субъективные моменты, поэтому оказывается весьма неопределенной. Нам не может помочь индукция, которая часто выручает нас в рассуждениях о физическом мире. Если тысячу раз, когда я опускал в горячий чай кусок сахара, он растворялся, я с достаточной долей уверенности могу утверждать связь: «Если бы вот этот кусок сахара был опущен в горячий чай, он растворился бы». Исторические события и личности уникальны, Вильгельм II не похож на Чемберлена и Даладье, как похожи друг на друга три куска сахара.

Так что же, рассматривать контрфактические построения в истории как досужую болтовню, как пустые маниловские мечтания, как лишенные смысла спекуляции? Но кажется, порой встречаются построения, которые как-то можно обосновать, которые кажутся даже правдоподобными. Скажем, можно утверждать: «Даже если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо, он проиграл бы войну в целом». В обоснование этого контрфактического высказывания можно было бы указать на тот факт, что на Францию в тот момент надвигались армии России, Австрии, Пруссии, Англии, включавшие в себя около миллиона солдат и руководимые полководцами, которых сам же Наполеон научил воевать. Истощенная двадца-

тилетними войнами Франция уже просто не могла извлечь из себя ресурсов для противостояния этой грозной коалиции. Она должна была пасть.

Любопытно, что здесь нет никакой связи между антецедентом и консеквентом нашего контрфактического высказывания. Напротив, это высказывание неявно утверждает, что консеквент был бы реализован в любом случае — независимо от каких бы то ни было действий Наполеона. Этот консеквент вытекал из всей совокупности событий того времени и противостоять заданному ходу событий не мог даже гений Наполеона. Но ведь Наполеон действительно проиграл войну 1815 г., т. е. наш консеквент истинен! Это приводит к мысли о том, что если какие-то события действительно произошли в прошлом, то мы можем предпосылать им любой антецедент — все получившиеся контрфактические высказывания будут истинными! «Если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо, то...», «Если бы Наполеон отступил и не вступал в битву, то...», «Если бы Наполеон бросил армию и уехал на Корсику, то...» — все эти высказывания с истинным консеквентом будут истинными. Это говорит о том, что когда некое событие свершилось, мы можем как угодно спекулировать и фантазировать по поводу предшествующих событий. Но эти фантазии кажутся бесплодными.

По-видимому, этот пример достаточно наглядно показывает, что далеко не все контрфактические высказывания можно истолковать как утверждающие некую связь антецедента и консеквента. По крайней мере, некоторые из них могут говорить о том, что какие-то события должны были обязательно произойти, несмотря на все наши усилия и действия. Соглашаясь с этим, мы должны допускать в истории некоторую предопределенность, проявление какой-то необходимости, которая прокладывает себе дорогу в хаосе наших разнообразных действий. Это толкает нас к обсуждению возможности законов в истории. Но проблема исторических законов слишком сложна, чтобы касаться ее мимоходом.

Вернемся к Гудмену. Исходная позиция заключалась в том, что контрфактические высказывания говорят о связи антецедента и консеквента и эта связь может быть представлена как логическая выводимость второго из первого. В отношении истории и социальной жизни вообще теперь мы можем сказать, что такое понимание контрфактических высказываний почти неприменимо. В отношении массовых явлений — миграции народов, промышленного и экономического развития, взаимоотношений народов и государств — иногда более или менее разумно представить одни события как следствия предшествующих событий. Например, можно сказать: «Если бы русские князья объединились для отражения монгольского нашествия, то монголам не удалось бы завоевать Русь». Можно было бы привести основания для подкрепления этого утверждения. Тем не менее вряд ли из этих оснований можно было сделать логический вывод о том, что монголам в этом случае обязательно не удалось бы их предприятие. А уж что касается поведения и действий отдельных личностей, то здесь дело кажется совсем безнадежным: в игру вступает свободная воля человека, которая способна противостоять любым обстоятельствам.

Здесь есть простое соображение. Если бы мы могли представить связь антецедента и консеквента контрфактического высказывания как логический вывод, то это означало бы, что, опираясь на события настоящего, мы могли бы логически выводить — точно предсказывать — будущее. Но каждый из нас знает, сколь рискованны такие предсказания и как часто они оказываются ошибочными. Настоящее не предопределяет будущее, мы свободны в выборе самых разнообразных возможностей.

Чтобы продвинуться еще немного в понимании контрфактических высказываний, возьмем в качестве примера два высказывания, которые сегодня довольно часто можно встретить в сочинениях историков и псевдоисториков: 1. «Если бы Англия и Франция в 1938 г. решительно выступили на защиту целостности Чехословакии, экспансия германского фашизма в Европе была бы остановлена»; 2. «Если бы Советский Союз не заключил в 1939 г. пакт о ненападении с фашистской Германией, то Гитлер не осмелился бы напасть на Польшу, и Вторая мировая война была бы предотвращена».

Здесь никак, конечно, нельзя говорить о каком-то логическом выводе консеквента из антецедента и каких бы то ни было «прочих равных условиях». Никто, по-видимому, и не подразумевает, что антецедент каким-то образом влечет консеквент. Когда высказывают такого рода утверждения, имеют в виду, скорее, что антецедентное событие повлекло бы такое изменение множества других факторов, что в этом измененном мире стал истинным консеквент. Иначе говоря, здесь подчеркивается важность антецедентного события, его обширное влияние на существовавшую обстановку в мире и существенное изменение этой обстановки в результате появления данного события.

Действительно, что означало бы решительное «Нет!» Англии и Франции притязаниям Германии на Судетскую область Чехословакии? Это означало бы их готовность к войне, мобилизацию армии и флота, привлечение к совместной борьбе 35 чехословацких дивизий и промышленного потенциала Чехословакии и многое другое. В этих условиях Гитлер неминуемо должен был отступить, а это повлекло бы падение престижа фашистского режима в самой Германии и за ее пределами. Здесь форма контрфактического высказывания используется просто для того, чтобы подчеркнуть важность антецедентного факта. Можно было бы сказать просто: «Мюнхенское соглашение четырех держав о разделе Чехословакии имело фатальные последствия для судеб европейских народов». И именно об истинности или ложности этого утверждения должна идти речь.

Точно так же и второе контрфактическое высказывание представляет собой просто иную форму для утверждения о том, что заключение пакта о ненападении между СССР и Германией настолько сильно изменило общее положение дел в Европе, что сделало неизбежной мировую войну. Но в таком простом, незакамуфлированном виде оно легко опровергается существующими историческими данными. Следовательно, оно ложно и остается ложным, даже если придать ему форму контрфактического высказывания.

Последние соображения приводят к печальному выводу о том, что часто контрфактические высказывания представляют собой просто риторическую фигуру для более эффектного выражения какой-то мысли. Так, порой для придания эмоциональной окраски своей мысли мы придаем утверждению форму риторического вопроса. Риторический вопрос — не вопрос. Порой и контрфактическое высказывание служит не более чем риторическим украшением для утверждения. Этот вывод бросает мрачную тень на все наши предшествующие рассуждения.

Заключение

Итак, к чему мы пришли? Когда контрфактическое высказывание говорит об идеальных объектах, связь между его антецедентом и консеквентом можно представить как логическую выводимость консеквента из антецедента. В основе такого вывода лежат аксиомы, постулаты, определения конкретной теоретической системы. Когда контрфактическое высказывание относится к эмпирическим объектам, связь между его антецедентом и консеквентом можно представить как причинно-следственную связь соответствующих событий. Истинность таких высказываний обосновывается наличием соответствующего закона природы. В области истории (да и не только здесь) контрфактические высказывания могут использоваться как риторическая форма утверждения важности антецедентного события. В этих случаях обоснование истинности контрфактического высказывания сводится к обоснованию соответствующего утверждения.

Все это бедно до тривиальности. Быть может, более интересные результаты можно получить, опираясь на какую-то иную классификацию контрфактических высказываний, скажем: высказывания, говорящие о тождестве двух индивидов; о приписывании каких-то свойств индивидам; об отношениях между индивидами; о связях ситуаций. Или можно попытаться рассматривать их как выражение каких-то эмоционально-ментальных состояний — веры, надежды, желания, страха и т. п.

Анализ контрфактических высказываний может показаться интеллектуальной забавой, не имеющей прямого отношения к обсуждению серьезных философских проблем. Но такое впечатление не совсем верно. Гудмен связал контрфактические высказывания с проблемой диспозиций, с проблемой закона природы, с выяснением оснований индуктивных выводов. Мы пытались показать, что их обсуждение способно с новой стороны привести нас к рассмотрению понятия личности и тождества, к столкновению связи исторических и социальных событий, к пониманию некоторых способов научных рассуждений. В такого рода высказываниях выражаются наши представления об истории, о человеке, наши оценки и надежды. Поэтому их рассмотрение способно пролить новый свет на известные философские проблемы, следовательно, оно не вполне бесполезно.